

Р. В. Соловьёва, И. В. Рудько (г. Минск, Беларусь)

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПАРЕМИЙ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Известно, что поговорки, как результат народного творчества, отражают моральные и нравственные установки, а также важные события в жизни того или иного языкового сообщества. Соответственно, идентифицировать автора в этом случае не представляется возможным. Но через призму нарратива т. е. повествования можно предположить, что та или иная поговорка имеет определённого автора, который в рамках некоего повествования о пережитом употребил данную поговорку как компримированное резюме своего личного опыта. Если же исходить из понимания нарратива как 'пересказ рассказанного', то допустима также версия компримации рассказа в рамках поговорки в том числе и вне личного опыта.

В основу данного исследования положены исторические события, произошедшие в 17 веке на территории тогдашней *Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicae* периода 30-летней войны (1618–1648). В связи с этим рассматривались поговорки, возникшие, согласно библиографическим источникам, в данный период времени.

Фоновые знания о фактах и событиях 30-летней войны могли быть доступны всему языковому сообществу либо через повествователя-нарратора, непосредственного участника событий, либо через цепочку повествователей-нарраторов. Понятие *нарратив* трактуется неоднозначно.

А. Данто понимает под нарративом «... так называемый рассказывающий рассказ».

Ключевым моментом при определении сути понятия *нарратив* является согласно Й. Брокмейеру и Р. Харре [1, с. 29–42] «... донесение знания, некое повествование, некий рассказ о чем-либо».

При этом важно отметить, что речь идет не о простом донесении информации до слушателя, а о «рассказывающем рассказе, т. е. рассказе, который кем-то повествуется». А. Данто фокусирует свое внимание на повествователе-нарраторе, который в процессе повествования определенного события озвучивает собственные соображения. Это происходит путем обращения к личному опыту, на основании которого повествователь-нарратор проводит анализ информации и устанавливает причинно-следственные связи, влияя тем самым на формирование смысла повествования. Из этого следует, что А. Данто выделяет два критерия, служащих для разграничения обычного рассказа от нарратива – субъективное отношение и причинно-следственные связи, что придает индивидуальные черты понятию *нарратив*, противопоставив его, тем самым, обычному повествованию, где речь идет о способе коммуникации, служащем для получения и передачи фактической информации.

Нарратив лежит, на наш взгляд в основе всех поговорок, которые можно рассматривать как *компримированный нарратив*, основанный на субъективном мнении неизвестного повествователя, на его личном опыте и отражающий причинно-следственные связи, установленные нарратором, и переданные в поговорке как на поверхностном, так и на глубинном уровнях.

При этом речь может идти не только о повествователе-нарраторе первого уровня (нарратив¹ – от лица непосредственного участника), но и о нарраторах-пересказчиках (нарратив² – пересказ рассказа).

Связь паремий с конкретными событиями в жизни народа не лежит на поверхности, её определение вызывает трудности и требует проведения многоступенчатого анализа. Исходя из этого, выявление паремий, возникших в период 30-летней войны, проводилось в несколько этапов:

Первый этап заключался в изучении исторических событий этого периода.

В задачу второго этапа входило установление паремий, отражающих события этой войны, по словарям, фиксирующим хронологические данные [2; 3].

Заключительный этап связан с анализом исторического дискурса.

Например, паремия *Das sind mir böhmische Dörfer/das kommt mir böhmisch vor* – букв. *для меня это богемские деревни*, т. е. ‘неизвестные, непонятные вещи’ датируется периодом 30-летней войны в Германии 1618–1648 гг.

Исторический нарратив выявляется в ходе анализа истории Габсбургской империи, включившей в свой состав королевство Чехии. Королевство Чехии было переименовано в Богемию, однако переименования не коснулись всей топонимии Чехии и названия чешских деревень звучали для немцев непривычно и недоступно пониманию.

Третий период 30-летней войны, длившийся с 1630 г. по 1635 г., характеризовался невиданными разорениями. Шведский король Густав II. Адольф в союзе с курфюрстами Княжеств Бранденбург и Саксония смог, руководствуясь тактикой «выжженной земли», меньше чем за полтора года оккупировать большую часть Священной Римской империи германской нации. Эти события отражены в паремии *Als wenn der Schwede da gewesen wär* – *как будто здесь швед побывал*, что значит в русском варианте ‘как будто Мамай прошел’ т. е. полнейший беспорядок, разгром, полнейшее опустошение.

Поговорка *Seine Pappenheimer kennen*, что означает ‘знать своих людей, знать тех, с кем имеешь дело’, вряд ли доступна пониманию и интерпретации без исторической справки.

В битве при Лютцене 1632 года шведская армия короля Густава II. Адольфа нанесла поражение наемным войскам рейха под командованием Валленштейна. Граф Паппенгейм, генерал кавалерии в армии Валленштейна, был смертельно ранен в этом сражении. Несмотря на то, что кавалерия Паппенгейма потеряла своего генерала, наёмники остались верными Валленштейну и продолжили сражение, заслужив признание Валленштейна:

Daran erkenn’ ich meine Pappenheimer, что значит: ‘В вашей верности и преданности я нисколько не сомневаюсь’. Впоследствии в результате усечения формы афоризма возникает фразеологическая единица *seine Pappenheimer kennen* ‘на них можно положиться’.

Пушки были введены впервые в европейских армиях в первой половине XIV ст. и нашли широкое применение в тридцатилетней войне. Это были тяжелые неповоротливые артиллерийские орудия, метавшие ядра, пригодные только для осадной войны. Для производства выстрела использовался фи-

тиль – *die Zündlunte*. Фитиль представлял собой палку, обмотанную пенькой, смоченной селитрой и уксуснокислым свинцом. Запах сгорающего фитиля был очень резким и сильным и доносился до неприятеля, т. к. канониры подпускали врага как можно ближе. Противник на небольшом расстоянии чувствовал запах фитиля раньше, чем следовал выстрел. Это обстоятельство нашло отражение в ряде фразеологизмов таких как:

Lunte riechen разг. почуять опасность (или подвох), почуять недоброе заранее (букв. почуять запах фитиля)

Die Lunte ans Pulverfass legen/mit der Lunte am Pulverfass spielen – (букв. подносить горящий фитиль к пороховой бочке, заронить искру в пороховую бочку), т. е. ‘подлить масла в огонь (усугубить ситуацию)’.

Таким образом, можно констатировать, что в основе паремий исследуемого исторического периода лежит нарратив первого либо второго уровня, а сами паремии являются не чем иным как *компримированным нарративом с метонимическим значением*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брокмейер, Й. Нарратив : проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – №3 – С. 29–42.
2. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. / Hrsg. W. Scholze-Stubenrecht. – 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2002. – 955 S.
3. Müller, K. Lexikon der Redensarten : Herkunft und Bedeutung deutscher Redewendungen / Hrsg. : K. Müller. – München : Bassermann, 2005. – 781 S.

Л. В. Солонович (г. Минск, Беларусь)

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Под *коннотативным аспектом значения* понимается, как правило, передаваемая словом, дополнительная по отношению к вещественному содержанию информация, свидетельствующая об отношении говорящего к обозначаемому предмету или явлению. При этом лексические единицы, обладающие коннотативным компонентом, реализуют экспрессивную функцию языка. В лингвистических исследованиях исследователями выделяется несколько составляющих коннотативного компонента лексического значения. Многие ученые и исследователи придерживаются подхода, согласно которому в структуре коннотации выделяется четыре элемента: эмотивный (эмоциональный), оценочный, экспрессивный и стилистический. В. И. Шаховский отмечает наряду с вышеуказанными компонентами наличие еще одной составляющей коннотативного компонента, которая включает прагматические семы [1]. В предпринятом исследовании мы исходим из того, что коннотативный компонент лексического значения слова вклю-